

Всеволод Зельченко

Футуристы в 1913 году

Когда могучая зима пригнула нас к земле
И в пляс безносая сама пустилась на столе,
Когда опробовал Молох железное нутро,
Твой выбор был не так уж плох, покойница Гуро.

Когда рогатый Актеон завидел кобелей,
Когда уже шатался трон балканских королей,
Когда играли попури и верили в метро,
Нам говорила «отомри» покойница Гуро.

Она склонялась над котлом, где булькала вода,
Вертясь винтом, варились в нем волчцы и лебеда,
Кто приносил ей изумруд, а кто совал пятак -
Она хватала, что дадут, и припевала так:

**«НИКТО НЕ МОЖЕТ ЗНАТЬ, ЗАЧЕМ НАД НАМИ ВОЛЕН ТОТ,
КТО НАС ОСУШИТ, А ЗАТЕМ ПО ГОРЛЫШКО НАЛЬБЕТ,
КТО НАС ОТПУСТИТ, А ПОТОМ НАВЕКИ ПРИКУЕТ.»**

Звук труб, бунт букв, буй тур, ух, крут, шипит и гаснет трут,
Мы не плывем, шурум-бурум, мы смотрим из кают,
О бойся полиглота, сын - он в самом деле дик:
В его груди заумный рык бушует, как хамсин.

И безалаберный Пилот, и Ангел в сюртуке,
И Царь зверей, и даже тот, кто с бритвою в руке,
И Иноходец ломовой, на ком горит тавро, -
Мы все стояли пред тобой, покойница Гуро.

И мы молились, бросив стыд, не в силах встать с колен:
Господь Всевышний да хранит покойницу Элен,
А ровно в полночь, без огней, расталкивая мрак,
В галоп пускали мы коней и молча пели так:
**«НИКТО НЕ МОЖЕТ ЗНАТЬ, ЗАЧЕМ НАД НАМИ ВОЛЕН ТОТ,
КТО НАС ОСУШИТ, А ЗАТЕМ ПО ГОРЛЫШКО НАЛЬБЕТ,
КТО НАС ОТПУСТИТ, А ПОТОМ НАВЕКИ ПРИКУЕТ.»**

Михаил Айзенберг

* * *

Слово на ветер; не оживёт, пока
в долгом дыхании не прорастёт зерно.
Скажешь «зима» — и всё снегами занесено.
Скажешь «война» — и угадаешь наверняка.

Не говори так, ты же не гробовщик.
Время лечит. Дальняя цель молчит.
Но слово за слово стягивается петля;
всё от него, от большого, видать, ума.

Скоро заглянешь за угол — там зима.
Выдвинешь нижний ящик — а там земля.

Олег Чухонцев
Бывшим маршрутом

Я оторвался от своих корней,
а родина моя все зеленой
чужой листвой шумит над головой!..

Не странно ли, на улице Лесной уже ни леса нет, ни лесопилок – булыжник да асфальт. Летит трамвай, на крышу тень кирпичная упала, и пыль, крутясь, вдогонку понеслась, и ветер, ветер... И жалеть не надо! Я так устал от самого себя, что только бы глядеть, глядеть, да слушать на поворотах скрежет осевой, да отмечать проездом: Квас. Газеты. Цветы. Тишинский рынок. Зоопарк. Ваганьковское кладбище. Обратно. И ничего другого... Говорят, что парность – знак надежды. В этой жизни я главное, быть может, проглядел, а шум остался, неусыпный, долгий, тенистый шум, лесная благодать...

Как хочется под липой постоять,
под чистой липой – и увидеть мать.
Она меня уже не узнает:
глядит в окно и все чего-то ждет,
все слушает, уставив наугад
свой напряженно-безучастный взгляд.
Еще жива, еще не умерла,
но душу в бедном теле изжила –
всю, за меня... И страшно сознавать,
что мне любви ее не оправдать.
И этот взгляд... За что? И почему?

Мне хорошо на людях одному. Скрипи, трамвай, греми в кольце железном!
Скрипи-греми! Счастлив, кому дано из колеи осточертевшей выпасть и время на ходу остановить! Развоплощенность – это путь свободы. Как хочется в ладони зачерпнуть минуту-две, в пустую горсть вглядеться, держать, держать, ни капли не пролить. И как повеет чем-то... Лето, лето, весна цветов, пионы и бензин, искрят газоны, тянет травостоем, и запах детства слышен за квартал.

...А ночью, чтоб отец не увидал,
забраться на душистый сеновал
в конюшне милицейской и впотьмах –
змея! змея! – испытывая страх,
лежать на сене – а покос лесной –
и каждый шорох чувствовать спиной.
И долго в небо черное глядеть.
Раскинуть руки – и лететь, лететь
над красной водокачкой голубой,
над каланчой и заводской трубой,
над колокольней – и рукой задеть
за колокол – и раскачнется медь.
И вдруг очнуться: что это? И гуд,
и лошади копытами гребут...
И вспыхнет неба вольтовый квадрат –
удар! – и оглушительный раскат
все сотрясет, и шелест налетит,
порыв, еще – и ливень загудит...
О доблесть малых: страх, восторг и страх!
И топот, топот, топот в денниках.
А я мальчишка, мне двенадцать лет,

как выкидыш я выброшен на свет,
мне интересно жить еще, я мал,
я сам себя еще не осознал,
не знаю, что за грохоты гремят,
какие кони в темноте храпят –
из-под земли – все громче, все грозней...

Я оторвался от своих корней, и эта память мне уже чужая, и я уже другой... Но что же, что издалека томит, не отпускает, а кружит, кружит? Что за дикий бег? Куда летит трамвай, и жизнь, и время? Что слышит мать из тишины своей, той тишины последней? Кто ответит? Я мир искал, а потерял себя, и на годах, как на конюшне старой, замок навешен... Как копыта бьют! Стучат! Стучат! Пусть выпрямят дорогу, пускай зальют асфальтом колею, а я свое дослушаю – Тишинский! – додумаю, а нет – так домолчу. А впрочем, хватит. Что там, Белорусский? Пора сходить. И снова этот шум: Цветы. Газеты. Квас. Он льется, льется...
– Эй, гражданин, не мешкайте в дверях!

Проходит все, и только остается
неслышный шелест, только шум в ушах...
1973

Полина Барскова
МУТАБОР

Аист аисту летит
Аист аисту кричит
Неубитого живого!
Дай давай разбудим слово!
 Казалось бы какие только слова
Они не испробовали на вкус не использовали на звук
На прочность
Живые слова мертвые слова
Слова своих родителей безобразные слова своих старших сестер
 Они заполнили себя словарями синонимов рифм
Технических и медицинских терминов
Непристойностей и имен
 Слова с нестерпимым звуком со свистом проносились мимо
Оставляя нас пустыми но недоудовлетворенными
Мы шли ночью
Мое сердце дрожало как новорожденный крысенок
Желанный жалкий зимний приплод
Вывалившийся на тугие брусничные листья
Скрипящий как корень мандрагоры
 Мы ждем перемен сказал ты
С ледяною насмешкой Пьеро-то-ли-Арлекина
Мертвый поэт М. Семенко на краю земли
Пишет тьмы кричащих стихов
Живой поэт Александр С. ходит по Амхерсту
Машет длинными руками: калиф-аист, оценивает, смеется.
 Нет: мы ждем перерождения
Они испробовали все слова
Какие только приходили им на ум:
И муртобор, и мурбутур, и мурбурбур, и муртубур.
 Но ничто не помогало,
Заветное слово навсегда исчезло из памяти,
И они как были,
Так навсегда и остались аистами.

24.4.2015

Григорий Дашевский

Одиссей у Калипсо

Памяти Н.Куна

Близкий голос во мгле: *Одиссей*.

Он кивает, молчит.

Его руки как будто слабей
темноты. Он укрыт
темнотою, текущей из глаз
чьих-то вниз, из глазниц
в узкий и поддающийся паз
там, поблизости. Лиц

не видать, незаметен пробел
между нею и им,
словно издали кто-то глядел
на стан статуи, грим

света снявшей и спящей в тоске
с тенью, с тенью своей.

И наутро, когда вдалеке —
моря шум, Одиссей

клонит голову вниз, потому
что вчера зачерпнул
утлым черепом мглы и ему
скучен пристальный гул.

Январь 1983